

ПУТИ И СУДЬБЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

(Беседа с проф. В.А. Моляко)

Вопрос. Валентин Алексеевич, само собой разумеется, что львиную долю наших вопросов мы хотели бы вам задать относительно психологической науки, всего того, что составляет ее сущность, ее возможности, ее перспективы, ее роль в сегодняшней жизни общества и каждого человека. С чего бы лучше всего начинать?

Ответ. Это не имеет принципиального значения. Хотя, пожалуй, нужно бы для начала как-то определиться с самим словосочетанием «психологическая наука». Тут, ведь, с самого начала нас ждут все те же своего рода сюрпризы и парадоксы. Принято было считать, что психология это наука о душе, хотя и ранее и до сих пор пока еще никто не смог просветить нас относительно самого понятия «душа». Религию оставим в стороне, иначе и к слову «наука» не подступимся. Но как бы там ни было, психология давно вошла в круг наук, получила официальное признание. Хотя и с разными оговорками, отсылками к высшей нервной деятельности, мозгу, а порой и к сердцу. Вы прекрасно знаете, что говорил о психологии И.П. Павлов, как ее представляли бихевиористы и т.д. «Масла в огонь» в разное время подливали и психоаналитики, и разного рода парапсихологи. Психология, скажем так, выходила на дорогу из философских джунглей и чуть было не попала на плаху физиологии. Да и сейчас еще, скажу я вам, меч над ее головой остается по сути занесенным. А если не меч, то попытка поделить ее между так называемыми естественными и гуманитарными науками. Вот вы сами к какому лагерю бы ее отнесли?

Вопрос. Не знаю. Да и в данном случае нас интересует именно ваше мнение.

Ответ. Боюсь, что мое мнение вас разочарует, или уведет куда-то в сторону от столбовой дороги научности. Мало того, что я сказал выше. Поскольку сегодня (сегодня в довольно расширенном по времени интервале) время от времени поднимаются вопросы о конце науки, о ее тупике, истощенности. И это не такой юной, как психология, но даже таких пациентов «дома престарелых» как физика, математика, химия. Загляните в не такие уж новые книги целого ряда известных авторов, как, например, Ф. Капра, В.В. Налимов, П. Фейербенд. Там вы прочтаете много интересного. Но я уже неоднократно говорил, и могу лишь повторить с полной убежденностью, что никакого конца (во всяком случае – «окончательного») у науки нет и быть не может. А тем более – у психологии, у которой, как я считаю (и не только я, разумеется) впереди еще только начало...

Вопрос. Как это – начало? А до сих пор, что тогда было?

Ответ. Если совсем коротко, то именно: поиски начал. Ведь, по сути, в психологии, как это было сказано другими словами, еще не определен ее

предмет исследования. Я имею в виду, разумеется, единое признание этого предмета в научном ракурсе. В самом деле, что мы должны исследовать: внутренний мир человека или его внешнее поведение?

Вопрос. И то и то, само собой.

Ответ. Да, так и пытались и еще пытаются некоторые из нас. То ли в синтезе, то ли аналитически, разбивая психологию чуть ли не на десятки психологий – общую, физиологическую, социальную, инженерную, возрастную, педагогическую и т.п. Но ведь это самый настоящий распад: будут псевдопсихологии, но не будет одной, цельной. Это и будет расчленение, когда лилипуты обследуют слона – кто ухо, кто хвост, кто хобот, кто бивень и так далее, а в итоге ни один из них не сможет нам ничего сказать адекватного о слоне как таковом...

Вопрос. Так нужно произвести синтез всех данных.

Ответ. А кто его произведет? Разве что Моська, которая любит облаивать живого целого слона. Но у Крылова, как мы знаем, она сильна, раз лает на слона. Но опять-таки у Моськи: ей нужно лаять, а не писать диссертации о слоне. И это почти не шутки. Вы безусловно правы, говоря о синтезе знаний. Но вся история науки показывает, насколько это сверхтрудное творчество – синтезировать. Таких, да и то, скажем так, промежуточных синтезаторов в науке всегда было мало. Больше их было в литературе, но это отдельная тема. К тому же литературу пока никто не зачислял в штат науки. А напрасно, скажу я вам.

Вопрос. Мы знаем о ваших разработках поэтической психологии, но позвольте об этом спросить позже. Мне хотелось бы, чтобы все же вы дали свое, пусть рабочее, определение психологии. И высказались о возможностях ее объективного изучения. Ведь все же вы психолог с таким стажем...

Ответ. Ну, что касается стажа, то здесь все проще. Давно высказывались практически неоспоримые сентенции, что чем больше погружаешься в проблему, тем большее количество коридоров в лабиринте перед тобой открывается. Тут и далеко ходить не надо – физика микромира, астрономия. Но, ведь, человек – это тоже целый мир, пусть и своего рода микромир. Вот сейчас, например, неврологи и нейропсихологи чуть ли не готовы были, казалось, уже сообщить нам о грандиозных открытиях в деятельности мозга. Но самые умные из них, как, скажем, Т.В. Черниговская, неоднократно напоминают, что в психологическое зазеркалье, через дверь, или окно, форточку физиологии, нам не попасть. То есть мозг как, – и опять-таки у величайшего психолога И.А. Крылова, – «воз и ныне там». Где его бросили гранды физиологии – Павлов (Лебедь), Бехтерев (Щука) и Сеченов (Рак).

Вопрос. Валентин Алексеевич, вы вводите нас в один из коридоров вашего лабиринта. Мы знаем, что вы это умеете делать. Все же, как бы вы определили предмет психологии?

Ответ. Во-первых, я увожу дальше в лабиринт именно потому, что не умею ничего другого. Да и не я это вовсе увожу, а сама Психея... Ладно не буду отнимать хлеб у Ярослава Гашека. Я могу дать на данный момент (это прошу подчеркнуть – именно на данный момент, а не на все времена) такое определение: психология – наука о сознательно-бессознательном творческом

разномасштабном и разножанровом поведении человека; это поведение подразумевает оперативные, тактические и стратегические действия и деятельности. Все это в координатах времени и пространства, а также в интерьерно-экстерьерных изменениях, точнее пространствах каждого отдельного человека или разноколичественных человеческих сообществах.

Вопрос. Да, это конечно определение, хотя и как-то сложновато воспринимается.

Ответ. Ну, это уж, извините, как говорят дети, дудки! Вы просто на миг забыли, что сейчас пишут не только в статьях, монографиях, но даже в учебниках. Мало того, что вместо давно устоявшейся терминологической классики сплошная идет рефлексия, креативность, нарративы и дискурсы, так еще все это подается в таких сочетаниях, что после подобной научной стилистики творения Хайдеггера покажутся прозрачными как слезинка ребенка.

Я вообще считаю, что, несколько, разумеется, гиперболизируя, весь XX век ушел в психологии не на поиски больших и малых психических сущностей, а на вовлечение в мир психологии как можно большего числа терминов, понятий, которые лично мне кажутся свежескрашенными фанерными деревнями (ну, пусть теперь не деревнями, а вроде бы мегаполисами) небезызвестного Потемкина. Конечно, это не только в психологии.

Вопрос. И что – по вашему – мы изучаем эту, как вы выразились, «фанеру»?

Ответ. Слава Богу, на все фанеры не хватает. Между этими деревнями или мегаполисами есть реальные промежутки, где можно найти и живых людей (по научному говоря – испытуемых) и их неподдельные экологические ниши.

Вопрос. Как-то после ваших высказываний неуютно становится. Кажется бы, такой научно-технический прогресс, а тут вы про неопределенность психологии как науки, про ее засоренность терминами. Как же быть молодым, начинающим психологам, если все так некомфортно?

Ответ. По этому поводу выскажу пару соображений. Во-первых, тем (а таковых по самым заниженным данным не менее 90%), кого в психологию загнала мода и стечения обстоятельств, пока не поздно лучше заняться чем-то более надежным, особенно в коммерческом плане. За исключением преуспевших шарлатанов современным психологам, которые уже догоняют и перегоняют по числу юристов, экономистов и менеджеров, лучше податься в телохранители, охранники и топ-модели, чем конкурировать с бомжами по финансовому обеспечению. Психология, скажу без всякого пафоса, сакральное поле деятельности. Сюда должны идти только призванные, т.е. как принято говорить уже с давних пор – по способностям, а не по рекламам в бульварных газетах да крикам моды.

А что касается комфортности. Ну, в истории науки (и не только науки) тьма примеров, как, через какие невзгоды, сложности, трагедии ученые шли к своим открытиям, проектам. Вспомним хотя бы К.Э. Циолковского. Сейчас это мировое имя, слава, в любые рассуждения о космосе, космических полетах вплетается его имя. И, безусловно, по праву. А как он жил? Как, в каких условиях проводил свои, по сути, любительские опыты? Да у него денег по-

рой даже на еду не хватало, и не только для него, а для семьи. Голод. Холод. Умер сын. Глухой, по виду уже старик, еле передвигая ноги, идет по улицам Калуги. Над ним прохожие посмеиваются как над чуть ли не местным дурачком. А он приходит домой и в сарае (в квартире не было места) разжигает костер, чтобы растопить замерзшую воду и продолжить свои эксперименты. Все его проекты признавались «экспертами» в лучшем случае нереальными, абсурдными, или даже сумасшедшими. Тем более что Константин Эдуардович давал для этого некоторые поводы... Знаете для чего он разрабатывал теорию космических полетов?

Вопрос. Наверное, для исследования других планет, как это все и считают.

Ответ. Как бы не так! Вы, кстати, читали труды Н.Ф. Федорова, теперь уже сравнительно известного философа-космиста?

Вопрос. Нет, к сожалению.

Ответ. Все же почитайте. Отвлекитесь на недельку от множества психологических боевиков, в которых подаются рецепты обогащения, искусства обольщения, овладения за неделю парапсихическими умениями и т.д. и почитайте, как Николай Федорович планирует оживлять умерших предков. Да, да – именно оживлять, воскрешать умерших. Всех умерших.

Вопрос. Но это же чистой воды фантастика!

Ответ. Как знать, как знать... Для нас с вами может быть. Но не для Циолковского. Так вот: Федорова критиковали за то, в частности, что как же он сможет, реализуя свой план, разместить на Земле всех ранее умерших... И Циолковский, который, кстати сказать, был с Федоровым лично знаком, работая в Румянцевской библиотеке в Москве, где этот философ служил обычным библиотекарем (опять же, к слову, – из своей не олигархической зарплаты библиотекаря помогал и многим нуждающимся студентам и самому Циолковскому), так вот Циолковский решил помочь своему благодетелю и разработать теорию полетов на другие планеты для того, чтобы транспортировать туда души умерших.

Вопрос. Не может быть! Это и впрямь что-то уж слишком такое...

Ответ. Да, об этом почти нигде не пишут, когда вспоминают Циолковского, но давайте обратим внимание на то, что в жизни, и в науке чего только не бывает. Не будем пока о транспортировке душ. Колумб вон тоже поехал в Индию, а оказался в несуществовавшей до того времени Америке. Так и в нашем случае – космические корабли уже не первый год летают, и не только вокруг Земли. Вон американцы, если не врут (а есть такое подозрение), и на Луну слетали, оставив там свои следы и другие «улики». К тому же о Циолковском я вспомнил не только в связи с тем, что ему приходилось осуществлять свои разработки в чрезвычайно усложненных условиях. А прежде всего именно потому, что он, как было сказано, имел в виду транспортировку душ. Именно – души человеческие. Так теперь я у вас тоже хочу спросить: кем был Циолковский – конструктором космических кораблей или психологом. Психологом, раз знал, что такое душа?

Вопрос. Вы никак шутите?! Как же я могу на такой вопрос ответить, если я ни Федорова, ни Циолковского не читала...

Ответ. ...и не знала лично, вполне правомерно можете продолжить. Согласен. Мой вопрос, разумеется, некорректен. Но, скажу я вам, в науке некорректные вопросы это норма, а уж в нашей психологической так они просто обязательны, иначе будем мы вновь целый теперь уже ХХІ век сидеть на все том же берегу логики и корректностей и ждать у моря погоды. И добавлю так: Циолковский может и не мог дать описание, характеристику человеческой душе. Но он ЗНАЛ, что ОНА ЕСТЬ! Вот в чем все дело. И в этом мой вам ответ на главный ваш начальный вопрос: психология может стать настоящей наукой, если поверит, поймет, что ЕСТЬ ДУША.

А теперь еще об одном, наверное, все же, самом главном, если вести разговор о призвании психолога. От души можно, позволю себе так выразиться, хотя бы на время абстрагироваться; если иметь в виду самые что ни на есть «аристократические», «салонные» беседы. Простой человек, который приходит к психологу, не о душе будет справляться – он будет говорить о своих плохих внимании и памяти, своей эмоциональной неустойчивости, раздражительности, неудачных принятиях решений, слабой сообразительности, вообще о тяжелых переживаниях в цепи бесконечных жизненных неудач и т.д. И это только самые простые, поверхностные проявления. Каждый из нас в конце концов хочет разобраться в самом себе. Это начинается еще в детстве, даже самом раннем, когда развивается собственная система реагирования, оценивания других и себя. И если каждый из нас достигает определенного уровня самосознания, то обязательно будет думать: а кто же я, плохой я или хороший, умный или глупый, добрый или злой. Какими бы упрощенными и наивными подобные вопросы порой не казались, на самом деле они принципиальны, сущностны. Об этом напрямую написано много. Этому посвящены не только бесчисленные тома философов и писателей (все творчество Ф.М. Достоевского посвящено по сути одной главной проблеме: кто такой человек). О психологических разработках Федора Михайловича нужно говорить специально и развернуто, а я здесь хотел бы привести вам одну ссылку, которая мало кому известна, но с моей точки зрения с огромной убедительностью раскрывает смысл и миссию человекопознания, будь-то средствами литературы и искусства, будь-то научными.

В 1963 году в Ленинграде проходила международная конференция писателей о судьбах романа. В ней принимали участие многие зарубежные и отечественные авторы (М. Шолохов, Л. Леонов, И. Эренбург, Л. Новиченко, Н. Саррот, Э. Уилсон, Д. Вигорелли, Ж.П.Сартр). Выступил тогда и будущий Нобелевский лауреат, участник Второй мировой, после войны преподаватель, довольно поздно пришедший в литературу, но сразу же заявивший о себе выдающимся романом «Повелитель мух» – У. Голдинг. К слову сказать, роман этот без всяких натяжек можно назвать блестящим социально-психологическим исследованием. Я бы включил его в список обязательной литературы для будущих психологов, врачей, учителей, и не только.

Так вот Уильям Голдинг в своей предельно краткой речи сказал следующее: «Вот уже пятьдесят лет во мне растет определенное убеждение –

факты жизни заставляют меня думать, что человечество поражено болезнью. Я имею в виду не человечество с большой буквы, я имею в виду тех людей, с которыми сталкиваюсь. На протяжении моей жизни я не раз был потрясен и оглушен, узнав, что мы, люди, можем проделывать друг с другом... О многом, происходившем во время войны, я стараюсь не думать, иначе я ощущаю физическую боль. И не раз убеждаюсь, что человечество больно, это и занимает все мои мысли. Я ищу эту болезнь и нахожу ее в самом доступном для меня месте – в себе самом. Я узнаю в этом часть нашей общей человеческой натуры, которую мы должны понять, иначе ее невозможно будет держать под контролем. Вот поэтому я и пишу со всей страстностью, на какую только способен, и говорю людям: «Смотрите, смотрите, смотрите: вот какова она, как я ее вижу, природа самого опасного из всех животных – человека». И это, мне кажется, благороднейшая задача – писатель ставит диагноз болезни, и это столь же высокий долг, как долг врача. Для этого нужны две вещи: сострадание, сочувствие к другим людям и еще – непреклонность, то есть решимость сказать то, что ты хочешь сказать, что бы с тобой потом ни случилось».

Вопрос. В самом деле – какие сильные слова! Какие мысли! Спасибо вам большое, что вы нам передали эти высказывания Уильяма Голдинга. Мне кажется, что некоторые из его слов перекликаются с тем, что вы уже неоднократно говорили и писали в ваших собственно психологических работах?

Ответ. Да, это так. Я рад, что вы внимательно читаете мои беседы, слушаете меня на семинарах и конференциях. Здесь в этом выступлении У. Голдинга есть несколько сконденсированных в ударной форме тезисов. Вот, с моей точки зрения, главные для нас, психологов. Прежде всего это, разумеется, сострадание и сочувствие к человеку. Без этого просто-напросто психолог, как и врач, не сможет состояться. Впрочем, как об этом, вслед Псалтыри, Новому Завету, повторяли в разных редакциях Григорий Сковорода, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев и многие другие, не только для психологов и для врачей, а для всех – для людей, для ЧЕЛОВЕКА, чтобы можно было таковым быть, а не биологически считаться. Потому что, не постигнув тайн и загадок человеческой жестокости, подлости, коварства мы не сможем их преодолеть, предупредить, изводить из повседневной жизни, которая и сегодня ежедневно травмирует нас сообщениями о кровавых драмах, преступлениях, жестоких зверских поступках...

Особенно хотелось бы подчеркнуть то, что У. Голдинг фактически призывает нас к наиболее достоверному источнику получения сведений о нас, людях, к самому себе. Говоря другими словами – к самоанализу, самонаблюдению, к интроспекции, которую своего рода футуристы и авангардисты в психологии загнали куда-то на задворки, чердаки и подвалы методологии. Я считаю это стратегической ошибкой, одной из причин по сути хронического кризиса в нашей науке. И если тесты были в свое время еще своего рода детской болезнью – свинкой или корью, то впоследствии грянувший так называемый лабораторный эксперимент (особенно с вовлечением самых изысканных приборов и компьютерного сопровождения) – это уже, если хотите,

распахнутая дверь в научный (а точнее – антинаучный) Армагеддон, или микроапокалипсис, выбирайте, что вам больше нравится.

Совсем коротко я со всей убежденностью могу сказать: без самонаблюдения у психологии нет будущего, а может, нет и ее самой!

Вопрос. Валентин Алексеевич, с таким вашим мнением будут отчаянно спорить многие и многие. Ведь сегодня, что ни статья, что ни монография – эксперименты, выборки, статистическая обработка, компьютерные программы. Разве это не прогресс?

Ответ. У меня на это есть давно сложившаяся полушутливая (но только – «полу») поговорка: кому-то дорога в гламурный прогресс, а нам возвращаться в ближайший лес. Расшифровка предельно простая: прогресс это километры цифр, индексов, формул, а лес – это общество, реальное, как и реально в нем каждое дерево – человек. Вы, кстати, часто ходили в лесу, наблюдали деревья?

Вопрос. Да нет, как-то не получалось. А что это может дать психологу?

Ответ. Как минимум, напомнит о многообразии человеческих обличей, и не только обличей. У каждого дерева своя внешность, порой очень оригинальная, а часто вроде бы по-своему стандартная. Но присмотришься внимательнее и видишь: каждая веточка, каждый листочек, иголка, рисунок коры – все имеет различия. Но это же только деревья, флора. А фауна? Эти неперевоплоотившиеся крыловские волки, зайцы, лисы, медведи. Для нашей более чем скромной зоопсихологии еще работы хватило бы.

Вопрос. Ну, можно ведь сказать, что Павлов на собаках, а Скиннер на крысах многое сделали, и не только для зоопсихологии?

Ответ. Бесспорно. Павловское учение о рефлексах – это грандиозное событие в науке, физиологии высшей нервной деятельности в общечеловеческих масштабах. Да, я не оговорился – в ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ. Даже сегодня многие, в том числе психологи, этого недопонимают, недооценивают. До сих пор знаменитая павловская сессия рассматривается чуть ли не как антинаучный погром. Ой, как недалёковидно. Многие психологи, в их числе Г.С. Костюк в своем учебнике воздавали должное павловскому учению. Потом это поднимали на смех. И досмеялись! Запад, надо полагать, очень хорошо проштудировал труды Ивана Петровича и так называемую холодную, или третью мировую войну без единого выстрела выиграл у СССР, родины условных рефлексов (а не слонов). Несколько перефразируя А.А. Зиновьева, можно сказать, что в этой войне победили джинсы, рок-музыка и жевательная резинка. Ну и прежде всего слюнной рефлекс на обилие колбасы и других витринных атрибутов. Тут уж не безусловный, а стопроцентный условный рефлекс – рассказать, показать (слово и образ) и слюна потекла, а с ней вместе потекли и мозги, расплавившись от впоследствии ничем не подкрепленного и не утоленного вожделения. Недоучили, не выучили Павлова и получили Горбачева, которого самого теперь на экране телевизора можно узреть как чистокровную жертву этих самых распроклятых условных рефлексов.

Вопрос. Но такому взгляду, наверное, все же можно возразить: одно физиология, а совсем другое – психология?

Ответ. Вы наверное сильно удивитесь, если я вам скажу, что сейчас вы фактически процитировали, кого бы вы думали? Сталина! Незабвенного Иосифа Виссарионовича. Было дело. Это, кстати, описано в мемуарах многих ученых, в том числе у нашего старшего коллеги А.В. Петровского. После упомянутого восхождения физиологии на пьедестал, некоторые из ее представителей, испытав нешуточное головокружение от успехов, явились к Сталину с деловым предложением – ни более, ни менее – закрыть, т.е. почти отменить психологию (заменив ее на физиологию высшей нервной деятельности). Сцена, если представить ее в театральном-кинематографическом изображении, могла выглядеть так: вождь раскурил свою знаменитую трубку, прошелся несколько раз по ковровой дорожке не очень миниатюрного кабинета, остановился, выдержал паузу (во время которой у иных волосы вставали дыбом и настоящий мороз бежал не только по спине) и, хитро, как он это умел, прищурившись, изрек со своим уникальным акцентом: «Фызыология это фызыология, а психология, это – психология», сделав два ударных жеста рукой, в которой дымилась трубка с табаком «Герцеговины-флор». Шутки-шутками, полумифы-полумифами, но ведь так в тот момент была у нас спасена психология. Кто знает, когда Хрущев или Брежнев вернули бы ее. Хрущев даже наоборот – поскольку его горячо любимый вождь психологию сохранил, чуть ли ее потом не отменил; во всяком случае ее вывели из обязательных предметов (как и логику, кстати) в средней школе, впрочем, как и в высшей – можете представить даже в мединститутах длительное время не читали хотя бы общий курс физиологии. Это для будущих врачей!

Вопрос. Но тут, не кажется ли вам, получается некоторая нестыковка ваших рассуждений с судьбоносным решением Сталина?

Ответ. Абсолютно никакой! Не претендую на лавры адвоката вождя (тем более, что примерно в то же время, когда состоялся приведенный выше эпизод, я со своим другом Олегом Бондаренко, как несколько раньше упомянутый выше А.А.Зиновьев, готовили планы покушения на И.В.Сталина...)

Вопрос. В самом деле?! Расскажите об этом подробнее!

Ответ. Это отдельный рассказ. Ему место в другой тематике. А, возвращаясь, к якобы нестыковке. Дело в том, что пришедшие к Сталину физиологи, видимо совсем упустили из виду, что он в духовной академии изучал психологию и в отличие от них имел представление о ее своеобразии. А поскольку он был весьма и весьма любознателен и много читал, следил за развитием наук, то и павловское учение было для него не тайной за семью печатями. Да, и, наверное, его общеантропологическое (отчасти, возможно, религиозное) представление о человеке говорило о единстве и различиях и физиологии, и психологии. Я здесь не выскажу очень уж оригинальную догадку, если позволю себе предположить, что Сталин был в состоянии понимать, что в человеке эти соотношения между физиологическим и психологическим могут находиться в самых разнообразных пропорциях. Ведь это же не гипотеза никакая, а самая настоящая аксиома. Стоит оглянуться вокруг, чтобы легко убедиться в том, сколько в ком психологии, а сколько физиологии. И все это в непрерывной динамике. А потому бывают циклы, периоды и у отдельного человека, и у

общества в целом. Когда человек, скажем, голоден, чего в нем больше? Конечно физиологии. И вся его психическая система, какой бы она изысканной и элегантною ни была, находится в подчинении у неотвратимого желания добыть пищу. Я уже не говорю о жажде. Недаром же пытки голодом и жаждой вошли издавна в число одних из самых изощренных и эффективных.

Вопрос. Но это просто инстинкт самосохранения. Сюда еще можно добавить стремление к продлению рода.

Ответ. Ничего себе «просто инстинкт»! Да он же и реализуется через физиологию и психологию. Ведь не просто так сказал (не помню, кто – кажется, Байрон?): любовь и голод правят миром. Так что уж – хотите ли не хотите, а третья мировая ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ (а не психологическая) война закончилась победой тех, кто лучше знал Павлова.

Вопрос. Но тогда, Валентин Алексеевич, нам, психологам, получается надо паковать чемоданы со всеми своими монографиями и диссертациями?

Ответ. Это было бы однозначной реальностью, если бы не некоторые «Но». Впрочем, они довольно простые и общеизвестные. Например. Наличие сознания. Речь, язык. Искусство. Литература. Изобретения. Способность к самопожертвованию. Любовь, которая, как известно, творит чудеса. Во всем этом как-то не очень сподручно разбираться нашим уважаемым коллегам – физиологам. И даже нейрофизиологам. И даже – нейрпсихологам. Какие бы чудеса съемок не преподносили всякие УЗИ, МРТ и им подобные приборы, оно как-то не получается вразумительно объяснить, что такое мыслительный процесс, творчество, не говоря уже о таких мелочах, как сновидения, догадки, интуиция, стопроцентные предсказания будущих событий и т.п. И это все даже, как можно было заметить, без упоминания ключевого слова «душа», к которому мы обращались в начале нашего разговора.

Вопрос. Получается, что граница между науками есть и она четко очерчена. Тогда в общем-то ни к чему все эти межнаучные споры, претензии?

Ответ. Спорам этим конца не будет никогда, потому что в научном мире границы на самом деле представляют собой не рвы с рядами колючей проволоки, а очень широкие полосы ничейной, пограничной территории, где права у разных наук могут быть вполне одинаковыми и естественными. Опять же представим себе человека в виде сосуда, в котором госпожа природа или кто-то из ее помощников, лаборантов, наливают цветные жидкости из бутылей, на каждом из которых своя этикетка – «Биология», «Физиология», «Психология». Далее нетрудно представить, что в зависимости от ряда причин, например, от того, кто именно наливает, или от его настроения, злого умысла, или просто чувства юмора – в разные бутылки могут быть налиты самые разные доли этих жидкостей. Так что дальнейшее может быть представлено, как в научно-популярном фильме, а еще лучше в мультипликате: все эти бутылки (допустим, что они пластиковые и сделаны в формах человеческих тел) будут вести себя очень и очень по-разному – одна залезет на дерево, другая будет под этим деревом охотиться на дичь, а третья начнет на коре писать эпиграммы и рубаи, соревнуясь с Омаром Хайямом. Что, в моем рассуждении мало объективности?

Вопрос. Трудно возразить, но, кажется, все же больше всего юмора.

Ответ. Юмор очень быстро закончится, если бутылки с преимущественно биожидкостями начнут лупить уже стеклянными бутылками пластиковых сестер, в которые налито помногу психологии.

Вопрос. А что в это время будут делать бутылки с физрастворами?

Ответ. Разбегутся. Или будут бегать вокруг и любоваться очередным комиксом из повседневной жизни хомо сапиенс. Я разумеется, прошу у вас прощения за такие свои совсем уж простенькие аналогии, но вам, человеку, привыкшему к дошкольному возрасту детей, с которыми вы общаетесь уже так много лет, я думаю, этот жанр рассуждений импонирует и может пригодиться для ваших учебных занятий.

Вопрос. Это безусловно так, но учитывая то обстоятельство, что читателями нашей с вами беседы будут не дошкольники, позвольте задать вам еще несколько взрослых вопросов. Где-то на рубеже минувшего и наступившего столетия, один из наших психологических журналов обратился к целому ряду известных ученых с вопросами, которые касались будущего нашей науки в различных преломлениях. Я выписала эти вопросы и хотела бы задать их именно вам. Тем более было бы интересно узнать ваше мнение с точки зрения киевлянина – на ту анкету отвечали только московские психологи, а вы представляете свою школу, которая выросла на берегах Днепра. Имеет же, наверное, география какое-то влияние на становление мировоззрения, формирование оригинального образа мира, в том числе научно-психологического?

Ответ. Даже если не поддаваться благодатным чарам теорий Льва Гумилева, все равно трудно было бы отрицать влияние места проживания предков и нас самих. Что уж говорить о Киеве, где без всякого преувеличения и патетики великую психологию создавали святые преподобные печерские во главе с Антонием и Феодосием. А в их уникальный монашеский «спецназ» входили такие великие личности, как Нестор-летописец, Илья Муромец, врачеватель Агапит, и еще двести воинов Христовых, известных и малоизвестных. Полистайте Киево-Печерский Патерик – это же квинтэссенция философско-бытийного и психологического, социального, не говоря уже о религиозном аспекте, описания житий потрясающих личностей. А им предшествовали судьбоносные деяния равноапостольных княгини Ольги и князя Владимира, принявших конфессиональную эстафету из византийского Царьграда, и вознесших Киев к горным вершинам новозаветных мыслей и чувств. И напомним, что преподобный Антоний получил поручение сотворения монашества в Киеве от афонских наставников. Это же была промыслительная акция (она отражена на многих иконах и фресках), значимость которой мы не расшифровали и до сих пор. Эти двести воинов-монахов, прибывающих в Ближних и Дальних пещерах Киево-Печерской Лавры – это же непостижимое явление в истории, и в истории не только Киевской Руси, а и во всемирной. И то, что о них рядовой гражданин даже у нас знает порой меньше, чем о знаменитых трехстах спартанцах, говорит только об одном: святость не нуждается в рекламе и популяризации. А я, пусть это прозвучит несколько ненаучно, многие

годы постигая по каплям, по песчинкам поучения киевских старцев, убежден, что каждый из них влиял и влияет на нашу общую судьбу, на каждую отдельную судьбу, опять же не только киевлян, но всех жителей Киевской Руси, и не только в ее древних границах. Я напому хотя бы одно тоже из не очень известных событий, связанных с деяниями киевских преподобных. Вы помните, что сотворил с самим бесом (да, да с бесом!) преподобный Никита Новгородский? Он, оседлав беса, совершил вояж в Иерусалим и обратно. Как-во?! А мы все время поем, как нас водят бесы, забывая о подвиге Святого героя-воина, к тому же столь находчивого.

Если хоть в небольшой степени учесть, каковы философские, поучительные, судьбоносные клады хранятся в подсознании киево-лаврских пещер, то совсем не покажется случайным зарождение именно в Киеве психологических и философских школ Бердяева, Челпанова, Зеньковского, Шпета, Сикорского, Костюка, начало творчества таких писателей и поэтов как К. Паустовский, А. Вертинский, М. Булгаков, Т. Глушкова, Ю. Мориц...

Киев уже много сказал сакральных научных и литературных слов, но я убежден, что главное киевское Слово еще впереди.

Я тут немного отвлекся, но и не мог не сказать хотя бы несколько слов о психологических предтечах и предках, великих учителях, перед которыми мы в неоплатных долгах, поскольку до сих пор слоняемся по каким-то психологическим сектам и поклоняемся идолам псевдопсихологии, в то время как у нас такое совсем почти еще не постигнутое богатство, в том числе и несомненные, не побоюсь так сказать, золотые психологические клады, к которым нужно лишь поклониться в поясных познавательных поклонах.

А теперь я готов отвечать на те вопросы, которые вы вычитали у наших коллег.

Вопрос. Слушая вас, понимаешь, как мы мало еще знаем о своих корнях, о нашей собственной древней и новой психологии. Хотелось бы надеяться, что вы еще напишите об этом. Перехожу к упомянутым вопросам. Первый из них: станет ли XXI век веком психологии?

Ответ. Ну, это в общем довольно давняя «заморочка» из арсенала «набивания» той или иной науке какой-то особой ценности. Тут может быть, как я лично считаю, по меньшей мере три варианта ответа. Первый: пессимистический – не станет, потому что психология еще очень далека от обретения своего научного статуса в семье других наук. Второй: оптимистический – станет, потому что человечество достигло такого уровня развития, когда все основные проблемы должны и могут решаться за счет человеческого фактора в первую очередь, а здесь без психологии ни шагу. И третий ответ, самый честный: не знаю. Я не только не Нострадамус, но даже не цыганка с картами.

Вопрос. Сбылось ли пророчество В.И. Вернадского о вступлении человечества в психозойную эру?

Ответ. Пусть бы сам Владимир Иванович и ответил – кто же лучше его может это увидеть. С моей же точки зрения, пока что человечество вступило в очень большую гоголевскую лужу со своими совсем не психозойными жабами, пиявками и прочими зоозойными крокодилами.

Вопрос. За какими психологическими направлениями и научными школами будущее?

Ответ. Ну, здесь я не берусь отвечать даже приблизительно. Сегодня этих направлений и школ в психологии столько, что о некоторых мы, наверное, даже понятия не имеем. Хотелось бы, конечно, чтобы наша киевская школа психологии творчества в полном ее составе получила золотые медали за победу в исследовательском марафоне, но, учитывая количество конкурентов и их возможные ненаучные козни, нечестное судейство, мы можем этих медалей не получить. Впрочем, иные из них нам и не нужны. Достаточно медалей Г. Сковороды и К.Д. Ушинского.

Вопрос. На чьи работы отечественных и зарубежных психологов будут продолжать ссылаться в XXI веке?

Ответ. Поскольку сейчас входит не просто в моду, а даже в своеобразный определитель научной успешности так называемый индекс цитирования, то в ближайшее время нас ожидает масштабнейший бум договорного цитирования, которое в свое время предвидел все тот же ясновидец И.А. Крылов: кукушки будут хвалить петухов, а петухи кукушек. Достойное место займет в районе научного олимпа мафия по организации цитирования, и нашим титанам и корифеям можно будет передохнуть от тщеты упоминаний. Передовые ряды займут дотолем неизвестные бойцы невидимого научного фронта. И пусть никого не удивляет, что большинству из них можно было бы присвоить почетное звание прохиндея или заслуженного шарлатана.

Вопрос. Сблизятся ли в XXI веке психология, религия и искусство?

Ответ. Они и до сих пор не были дальними родственниками, но их синтез, взаимопроникновение должно, по моему глубокому убеждению, стать нормой и потребностью. Я, как вы знаете, уже давно развиваю концепцию поэтической психологии. Многие в этом направлении сделал В.П. Зинченко. И это лишь один из векторов взаимослияния, величайшие образцы которого уже были в гениальном творчестве Микеланджело, Данте, Достоевского, Врубеля. Психологи, правда, пока отстают от писателей и художников, но это поправимо. Мы уже знаем сегодня имена некоторых психологов, выпускников МГУ, которые стали священнослужителями: например, Б. Ничипоров. Само собой, речь не идет о том, чтобы психолог становился художником, священник поэтом на профессиональном уровне. Речь идет о синтезе знаний, опыта, методов постижения человека, человеческого сообщества, добротолубия и грехопадения и т.д.

Вопрос. Нужна ли психологу клятва Гиппократа?

Ответ. Этот вопрос поднимался уже очень давно и небезосновательно, поскольку психологи (в первую очередь – практикующие, консультанты и т.д.) работают с другими людьми, должны при этом точно так же в первую очередь не навредить, и очень желательно – чем-то помочь. Поэтому я считаю, что таким психологам клятва не просто нужна, но обязательна. Может не Гиппократа, чтобы не претендовать на врачебную миссию, а, скажем, Аристотеля, или Конфуция, или Святого Великомученика Пантелеймона, которого с полным основанием можно считать покровителем психологов-

целителей. Главное, как и с клятвой Гиппократы – не нарушать ее. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Клятвопреступление, как известно, смертный грех. Если не уверен в себе, то уж лучше не давай никакой клятвы.

А психологам-теоретикам никакие клятвы не нужны. Наоборот, они должны чувствовать себя и быть по сути вольными странниками, как Григорий Сковорода, или Мацуо Басе, а то и просто Дон-Кихотами, Мюнхгаузенами или Швейками, т.е. иметь право на любую глупость (или строго говоря – фантазию), из которой может получиться порой еще какое открытие или изобретение.

Вопрос. Какова судьба репрессированных наук и идей в психологии? Есть ли шанс у педологии и психотехники возродиться?

Ответ. Науку репрессировать нельзя. Если она наука, то она будет существовать и в подполье, и рано или поздно вновь заявит о себе, тайно, иносказательно. Можно репрессировать ученых, затормозить или уничтожить их работу, да и то лишь в том случае, если она мало материализовалась. Хуже всего в науке (как и в театральном коллективе), хуже репрессий – зависть коллег, их козни, всевозможные помехи, порой буквально выживание из науки, из коллектива, лаборатории, института, кафедры. Думаю, что от происков завистников в науке было много больше жертв, чем от Иосифа Виссарионовича и Лаврентия Павловича вместе взятых.

Педология и психотехника? Ну, запретили их и что? Прошло время и они модифицировались, слились с другими направлениями. Такое в науке было во все времена, как и разные формы возрождения. Но понятно же, что возродиться может рано или поздно то, что имеет пусть даже временный именно научный смысл, обоснование той или иной полезности, а тем более необходимости. К тому же это бывает обусловлено и интеллектуальным состоянием общества, правительства, меценатов и т.п. Что такое в конце концов наука, если быть предельно кратким? Это поиск. А поиск это находки и потери, победы и поражения, тупики и лабиринты, а иногда и яркий свет в конце туннеля. А если из науки делать коммерческое предприятие или контору имени Остапа Бендера по заготовке рогов и копыт, то это несколько другая сфера, она ближе к черному рынку.

Вопрос. Последним в этом списке стоит такой вопрос: в чем исторический смысл психологического кризиса на рубеже XX и XXI веков (К. Бюлер, Л.С. Выготский – кто следующий)?

Ответ. Что касается исторического смысла, то тут время еще не пришло, чтобы расставлять какие-то точки над *i*. А вообще нормальный смысл кризиса всегда в том, чтобы искать его причины, преодолеть его, если он не надуманный, или не навязанный какими-то умниками. А что касается имен, то на место Бюлера и Выготского скорее нужно было бы поставить Павлова и Фрейда, или Джемса и Юнга и еще мало ли кого. К тому же кризис в любой науке уж никак не связан с какими-то календарными рубежами и круглыми датами, он, как и любой кризис, может случиться в любом году.

Вопрос. С этим можно полностью согласиться. Спасибо вам за интересный содержательный разговор.

Валентин Алексеевич, в мае пройдут юбилейные дни празднования 70-летия нашей Победы в Великой Отечественной войне, поэтому позвольте в конце нашей беседы привести ваше стихотворение «День Победы», тем более она нам сейчас как никогда необходима, и закончить наше интервью цитатой из вашей книги:

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Памяти отца А. К. Моляко

Последние солдаты той войны
бредут в невидимых окопах войны этой.
Уже нет ни идеи, ни страны,
остались строчки песни недопетой.

Куда ты направляешься, солдат,
кому нужны теперь твои медали?
Тебя унижат взглядами стократ
все те, кто от тебя уже устали.

Для них ты не герой, а лишь изгой,
смущающий их дерзкую удачу.
И не знамена – тряпки над тобой.
Не плачь, солдат, не то и я заплачу.

Ведь слез – без наших – море, океан,
и не за них давали “За отвагу!”
Сегодня ты для многих старикан,
но ты, ведь брал Берлин, Варшаву, Прагу.

В полях Европы не сочешь костей,
твоих собратьев не сочешь могилы...
Ты в эстафете наших тяжелых дней
бойцам иным умножишь, верю, силы.

Шагай, солдат. Медалями гордись.
В твоём проходе вещее знаменье –
придут бойцы и отвоюют жизнь,
мы временное терпим поражение.

Шагай, солдат, на страх нашим врагам
по их знаменам лживым, нашим бедам,
и день великий будет послан нам –
и новая великая Победа!

«...И какая счастливая удача, если послан будет тебе Проводник! И ведь они есть – проводники. Они рядом. И каждый может выбрать его себе

по голосу своего сердца, выбрать своего проводника – поэта, который каждому из нас поможет понять: всяк человек – поэт, и всяк из нас должен пробуждать в своей душе поэзию, которая ведет к спасению, – поэзию вдохновенного труда, поэзию сострадания, поэзию дружбы, поэзию Веры, Надежды, Любви и поэзию мысли – Софии».

У нас такой проводник есть – это Вы и ваше творчество. Спасибо ВАМ!

Беседу проводила Н.А. Ваганова

Примечание. Полный текст этой беседы будет опубликован в новой книге В.А. Моляко «Психодром».